

ЦАРИЦЫНСКАЯ ЛИНИЯ ВО ВТОРОЙ—ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Н. А. Комолов

Воронежский филиал Российского государственного социального университета

Поступила в редакцию 3 февраля 2009 г.

Аннотация: *исследуется история Царицынской укрепленной линии от смерти Петра Великого до прекращения ее существования как элемента системы защиты южнорусских границ от набегов кубанских татар и калмыков. Автор рассматривает организацию охраны линии, проблему ее незаконного пересечения кочевниками, фортификационные работы.*
Ключевые слова: *юг России, укрепленные линии, оборона территории, калмыки, Царицынский корпус, Войско Донское, Волжское Войско, Б. Х. Миних.*

Abstract: *in article is investigated history of the Tsaritsynsky strengthened line from Peter the Great death before the termination of its existence as element of system defence South Russian borders from attacks of the Kuban Tatars and Kalmyks. The author considers the organization of protection of a line, a problem of its illegal crossing nomads, fortification works.*

Key words: *south of Russia, defensive lines, territorial defense, the Kalmyks, Tzaritzinsky korpus, Voysko Donskoye, Volzhskoye Voysko, B. H. Minih.*

В XVII—XIX вв. пограничные укрепленные линии являлись важной составляющей системы обороноспособности Российского государства. Настоящий прорыв в их изучении был сделан во второй половине XX в., когда благодаря исследовательским интересам воронежского историка профессора В. П. Загорского было создано целое научное направление [1, 2, 3, 4, 5] (здесь рассмотрены Иртышская (1745—1752 гг.), Тоболо-Ишимская (1752—1755 гг.) и Колывано-Кузнецкая (1747—1768 гг.) линии). В последние годы изучение пограничных линий XVIII—XIX вв. продолжается весьма интенсивно [6, 7, 8, 9, 10, 11]. Единственная целостная работа, посвященная истории Царицынской оборонительной линии, — это диссертация Т. И. Лавриновой, изложение в которой завершается в основном царствованием Петра I. Настоящая статья хронологически продолжает эту тему. Мы намерены рассмотреть организацию охраны Царицынской линии, планируемые и осуществленные там ремонтные работы, влияние калмыцкого фактора на ситуацию в зоне линии.

Царицынская линия стала вторым пограничным военно-фортификационным сооружением России в XVIII в. (первая построена на западной границе в 1706—1708 гг.) [12]. В основном она была сооружена в 1718—1720 гг. и простиралась на 60 верст. Начинаясь линия от Царицына, далее на расстоянии друг от друга в 10—17 верст располага-

лись крепостцы Мечетная, Грачевская, редут Осаковский, крепостца Донская. На их вооружении в совокупности находились 73 медные и чугунные пушки [13]. Впоследствии упоминалась крепостца Калдыбанская.

Линия перегородила стратегически важный перешеек между Доном и Волгой с целью обезопасить юго-восточную границу от набегов кубанских татар и калмыков. Охрана ее возлагалась на различные армейские полки, которые командировались туда для несения караулов и осуществления разъездов. Непосредственно на Царицынской линии стояли три драгунских полка (в 1726 г. — Вятский, Владимирский и Азовский). На зимних квартирах они размещались в донских городках. Три других полка (Псковский, Сибирский и Тверской) располагались на «вечных» квартирах в Тамбовской и Шацкой провинциях Воронежской губернии и мобилизовались в случае осложнения обстановки на линии. Командовал этим соединением генерал-лейтенант Х. фон де Ропп.

Постоянные проблемы были связаны с составом и временем командировки на линию полков, их размещением на квартирах и снабжением. Сначала было решено поселить на середине Царицынской линии один Ростовский драгунский полк, потом вместо него назначили Нижегородский драгунский полк. В 1727 г. среди прочих охрану линии осуществлял Воронежский гарнизонный полк. Генерал-фельдмаршал М. М. Голицын полагал, что 300 человек, оставленные на караулах на

линии, вполне обеспечили бы охрану крепостей от нападений «неприятельствующих орд» или «воровских» калмыков, а стоящие поблизости в казачьих городках полки могли оказать помощь и защитить жилища. Командировка на линию больше 300 человек из регулярных полков вызвала бы «нужду». Проблема заключалась в том, что изб и шалашей для зимнего наблюдения при линии не было, а в крепостях все бы не разместились, включая находящиеся на разъездах донских казаков. Военная коллегия предложила направить из ближних к Царицынской линии трех полков 1500 солдат и офицеров и поселить их в соседних казачьих городках. Для караулов и разъездов на линию необходимо было посылать из этого контингента 300 человек. 2 октября 1727 г. мнение генерал-фельдмаршала оформили указом [14].

В 1728 г. при линии был образован Царицынский корпус из 6 полков, командиром которого по выбору князя М. М. Голицына стал генерал-лейтенант Чекин. В корпус входили также донские казаки (в 1726 г. на линии несли службу 500 человек) [15, 21]. В том же 1728 г. три полка Царицынского корпуса были оставлены при линии и размещены в донских городках. Еще три полка, присланные из Малороссии с зимних квартир, расположились в Тамбове и Козлове [16].

Вариант с отвлечением на охрану Царицынской линии регулярных армейских частей, их размещение в донских станицах, имевшее для казаков предсказуемые неприятные последствия, правительство не устраивал. Было принято решение возложить охрану на казачество. В новейшем исследовании А. В. Курышева, посвященном истории Волжского казачьего войска, отмечается, что первоначально для содержания Царицынской линии, обороны и колонизации Волго-Донского междуречья было создано Войско Царицынской линии казаков (1731—1733 гг.). Его основу составило донское казачество, земли для расселения также выделялись из территории Войска Донского. Это вызвало сопротивление старшины, и казаки-переселенцы подверглись репрессиям. Тогда Войско Царицынской линии казаков перевели на пустующие земли вдоль правого берега Волги за пределы донской территории и переименовали в Волжское казачье войско. Ему поручалась охрана Волги между Саратовом и Царицыным от набегов кочевников и другая служба. Охрана же Царицынской линии была возложена на Войско Донское [17].

Приговор Сената от 3 августа 1731 г. определял казакам донских городков, которые добровольно пожелают селиться при Царицынской линии (не более 1000 семей), за первый год выдать из казны на постройку дворов каждой семье по 12 руб., по 6 четвертей муки и по 3 — овса. Впредь ежегодно каждому служащему на всю семью определялось жалованье в 5 руб., по 3 четверти муки и овса. Старшинам полагалась прибавка в соответствии с чином. Предусматривалось также отведение всем земель, сенных покосов и разных угодий. Для поселения записывались не только донские казаки, но и малороссияне. Размер земельных участков соответствовал норме, полагавшейся ландмилиции. Источником жалованья для поселенцев определялись средства, оставшиеся от финансирования ландмилицких полков* [18, 19]. Изначально к линии записалось 570 казаков, к февралю 1732 г. — 840 казаков и малороссиян [19]. Был решен вопрос и с их подведомственностью. Указом от 8 декабря 1731 г. казаки поступили в команду генерала князя И. Ф. Барятинского [20], но уже на следующий день к Царицынскому корпусу предписывалось отправить генерал-майора А. Загряжского [21].

Указом от 15 мая 1732 г. атаманом поселенных при Царицынской линии казаков согласно их желанию назначался Макар Персидский. Атаманы избирались на казачьем кругу на один год, после чего им следовало приезжать в Москву для получения жалованья. Указ разрешал избрание одного и того же лица на высший казачий пост не более трех раз, чтобы «зная свою перемену, приятнее с своими поступали». М. Персидскому на данные ему казенные деньги (16 руб. 50 коп.) разрешено было сделать серебряный ковш за «усердное старание и службы», написав на нем имя императрицы по образцу ковшей, данных донским казакам. 14 января 1734 г. особым указом были оформлены бессрочные полномочия М. Персидского под предлогом обеспечения нормального хода поселения [22].

Указом от 12 ноября 1733 г. записавшихся к Царицынской линии 1057 семей донских казаков предусматривалось расселить по Волге в удобных местах между Царицыным и р. Камышенкой и передать их «под главную дирекцию» Военной коллегии. Находяще-

* Копию грамоты от 31 августа 1732 г. о переселении казаков на Царицынскую линию см.: Государственный архив Ростовской области. Ф. 339. Оп. 1. Д. 459.

муся на линии генерал-майору А. И. Тараканову было предписано проконтролировать процесс поселения, чтобы казаки переходили и селились «немедленно» (в течение двух лет) и жалованья без службы не брали. При войсковом атамане М. Персидском определялись два старшины и есаул, избираемые казаками на год. Суд следовало вершить по обычаям донских казаков, те же дела, которые круг решить не мог, следовало предлагать коменданту Царицына. Указ предписывал поселенцам называться «волскими казаками» [23]. В 1734 г. административным центром Волжского казачьего войска (исторические названия — Вольское, Волжское) стала Дубовка.

В преддверии очередной русско-турецкой войны было решено усилить охранный контингент Царицынской линии. В октябре 1735 г. Военная коллегия просила Б. Х. Миниха оставить там временно находящиеся Сальянский и Ширванский пехотные полки, вышедшие из Персии, так как кроме 1200 казаков никаких регулярных войск на линии не было, а угроза со стороны калмыков сохранялась [24].

Задачи колонизации требовали подробной информации о заселяемой территории. В 1737 г. коменданту Царицына полковнику П. Кольцову было поручено руководить осмотром и описанием лежащих около линии рек, пашенных земель, угодий, а также составлением ландкарт с помощью посланных из Сената геодезистов. Высшую власть интересовали и сведения о местном населении, прежде всего, людях «старых служб», которые не содержали ландмилицких полков [21].

Войско Донское продолжало играть ключевую роль по охране Царицынской линии. За 1730—1760-е гг. имеются многочисленные указы о посылке казаков на линию, об обеспечении их жалованьем и деньгами на покупку овса, о содержании караулов [20]. Вероятно, в зависимости от политической конъюнктуры на линии находились единовременные команды от 100 до 600 человек. В 1746 г. Волжское войско потребовало от Военной коллегии смены донскими казаками 100 казаков, находящихся на Царицынской линии «для разъездов». Ранее по указу 1733 г. Войско Донское обязалось «всегда» посылать для содержания линии: зимой — 1200 казаков, летом — 800. В текущем же году из-за казачьих командировок в разные места на линии находилось по 100 человек от Донского и Волжского Войск. В дополнение к ним для усиления охраны Царицынской линии

26 июня 1746 г. было решено расположить там лагерем Ростовский и Владимирский драгунские полки [25, с. 401—402].

Совместная служба регулярных и нерегулярных войск провоцировала столкновения. В 1748 г. находившийся в Грачевской крепости поручик Владимирского полка А. Арсеньев доложил своему начальству, что линейный атаман Войска Донского Лукьянов в соответствии с указанием из Черкаска запретил казакам своей команды, стоящим на форпостах в Донской крепости, возить дрова и воду для пеших драгун, карауливших там же. Между тем в инструкции офицеру при Донской крепости от бывшего коменданта Царицына бригадира П. Кольцова было предписано казакам караул нести днем, а ночью — совместно с солдатами. Также им следовало осуществлять общие разъезды. Если драгуны отдельно возили бы воду и дрова за 15 и более верст и зимой стояли ночью на карауле, это вызвало бы их «крайнюю нужду и изнурение». В ноябре 1748 г. Военная коллегия отдала распоряжение охраняющей форпосты в Грачевской крепости команде Владимирского полка возить воду и дрова на полковых подъемных лошадях. В случае их отсутствия предписывалось использовать казачьих, «как и прежде бывало», с целью сохранения драгунских лошадей для разъездов [25, с. 519—520].

В апреле 1745 г. Провиантская канцелярия указала Царицынской комендантской канцелярии обеспечивать месячным провиантом находящихся на линии «для содержания оной и разъезду» 100 донских казаков, а их лошадей — фуражом из Царицынского, а предпочтительнее из Качалинского магазинов. В итоге охранная команда снабжалась продовольствием и овсом из запасов Царицынского магазина, а сено для своих лошадей казаки самостоятельно заготавливали на лугах при линии. Но проблемы со своевременным обеспечением сотенной команды сохранялись. Войсковой атаман Д. Ефремов жаловался Военной коллегии, что казакам провиант выдается, а фураж они «ни откуда не получают». Это потребовало в 1750 г. дополнительного указа об обеспечении казачьих лошадей [25, с. 607—608]. В 1770 г. императрица утвердила представление Штатс-конторы в Сенат об оплате донским казакам, находившимся в 1769—1770 гг. на Царицынской линии, за кошение ими сена для служебных лошадей по копейке за пуд. Впредь же следовало за заготовку сена платить каждому казаку по 1 руб. в год [25, с. 167—168].

Физическое состояние и возраст присылаемых на Царицынскую линию донских казаков вызывали нарекания ответственных лиц. Так, царицынский комендант полковник Цыплетев докладывал начальству, что казаки «не только все малолетние, но и больные и худоконные». Военная коллегия 28 января 1771 г. строго предписала войсковому атаману С. Ефремову заменить неспособных к службе казаков годными. На это Войско Донское отписало, что ежегодно на линию командировается 600 казаков (подтверждением этой цифры является грамота войскового атамана С. Ефремова 1760 г. старшине И. Николаеву о мобилизации казаков из хоперских станиц в отряд из 600 человек, посылаемый на Царицынскую линию) [26], из них посылается «по третям года на дистанции» по Волге до Черного Яра 200 человек (как писал С. Г. Гмелин, для борьбы с разбойниками). От постоянных курьеров, конвоирования колодников, непрерывной перевозки рекрут казачьи лошади сильно изматывались. К тому же на линии было 127 больных, 54 человека умерли, а 36 казаков не имели лошадей. Войско просило отменить для себя службу «на дистанции», командировать на Волгу волжских или астраханских казаков, а команде в 600 человек быть только на линии. Но эта просьба не была удовлетворена, поскольку военные обстоятельства (шла русско-турецкая война) привели к многочисленным командировкам казаков, а на Царицынской линии «команда всегда находилась от... Войска Донского». Поэтому Черкасску следовало всех умерших, больных и пеших казаков на линии заменить «исправными» [25, с. 184—185].

В рассматриваемый период постоянную тревогу в зоне Царицынской линии вызывали калмыки. Раздираемые внутренними усобицами, они тогда воспринимались как легкомысленный «ветренный» народ, способный легко перейти от мирного кочевания к грабительским набегам и прочим «воровствам». Государство пыталось воспрепятствовать переходам калмыков через Дон (по указу от 12 декабря 1732 г.). Правда, в 1748 г. им было разрешено кочевать на российской стороне до Царицынской линии [27], но затем снова запрещено.

17 марта 1751 г. капитан Азовского драгунского полка Масленицкий, осматривавший на участке от Грачевской до Донской крепости стоявших на форпостах драгун и казаков, обнаружил в степи 9 калмыков, едущих внутрь линии. Степняки представились посланниками калмыцких наместников. Под

конвоем задержанные были отправлены в Царицын. На допросе выяснилось, что вся группа была послана вверх по Дону примерно 9 дней назад для поиска калмыков, откочевавших из их улуса в донские станицы со своими кибитками (одна кибитка равнялась одной семье, включавшей 4—5 человек) [28]. При этом был продемонстрирован паспорт (пропуск), данный от владелицы улуса. Посланцы проехали мимо линии, пересекли по льду Дон, обнаружили в двух станицах 61 кибитку ушедших земляков, но, получив сведения о начале ледохода, поспешили вернуться в родной улус. Пересечь Дон из-за разлива они не успели, и были задержаны в Донецкой (Донской?) крепости. Калмыки отрицали противоправность целей своего визита, уверяя, что об их проезде через Дон знали атаманы ближайших станиц, не чинившие им препятствий. Несколько дней спустя линейный атаман Чекунов задержал в Донской крепости еще 6 степняков, которые, как и их предшественники, были посланы «для сгону кочующих по донским городкам калмык в улусы». По льду они пересекли Дон с разрешения атаманов Качалинской и Илавлинской станиц. Учитывая это, калмыков отпустили домой. Между тем капитан Масленицкий сделал запрос атаманам, на каком основании под этими двумя станицами кочевали 200 калмыцких кибиток. Оказалось, что это позволил донской старшина И. Денисов. В то же время указы и инструкция по содержанию Царицынской линии категорически воспрещали разрешать калмыкам кочевать не только внутри линии, но и возле нее. Следовало иметь предосторожность и от «злодейских их к воровству перелазов». В этом отношении проход стольких семейств через охраняемую линию без разрешения выглядел весьма странным и вызвал ряд вопросов начальства Азовского драгунского полка к Войсковой канцелярии. Также было потребовано, чтобы атаманы и старшины станиц, расположенных внутри и близ линии, запретили калмыкам там кочевать. Пропускать их разрешалось только по паспортам из Комиссии калмыцких дел, предъявляемым линейным командирам. Полковое начальство беспокоилось, дабы «ветреные» кочевники, «умысля потаенным образом, не могли учинить российскому народу воровского нападения и грабительств», а самому начальству — взысканий.

Подробности поступили от упомянутого старшины И. Денисова. Оказалось, что еще в ноябре 1750 г. около 150 кибиток (семей)

наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши самовольно вторглись внутрь линии и расположились во владениях Трехостровской станицы. Местный атаман запросил о законности их действий Черкасск. Оттуда была прислана грамота, требовавшая попросить калмыков добровольно откочевать за пределы линии. Старшина И. Денисов активно принуждал их к этому, но калмыки категорически воспротивились, сославшись на то, что из-за обилия снега, сильных морозов и частых метелей они во время пути могли загубить весь скот, а их семьи «позябнуть». В итоге калмыки остались внутри линии в разных донских станицах.

В апреле 1751 г. 5 зайсангов (родовых наследственных старшин), под началом которых, как выяснилось, находилось уже 175 кибиток, были задержаны и подвергнуты допросу. Один из старшин представил паспорт о пропуске через линию (с предписанием явиться к 1 мая) и рекомендацию от бывшего астраханского губернатора В. Н. Татищева. У других зайсангов пропусков не было, кроме устаревшего паспорта 1745 г. и непереводаемого на русский язык письма от наместника. По их показаниям, они перебрались мимо линии по льду через Дон возле Беляевской станицы якобы с ведома атаманов и старшины И. Денисова. С целью недопущения «воровства» калмыков выпустили обратно за линию.

Указ Военной коллегии от 19 сентября 1751 г. подтверждал положения инструкции по содержанию Царицынской линии о запрете пропуска калмыцких кибиток внутрь ее и о недопуске их кочевать близ нее. Виновных в пропуске калмыков через линию и в их кочевке в казачьих станицах следовало «наихвосточайше» оштрафовать [25, с. 629—634]. В то же время калмыки были заинтересованы в нормальной пограничной ситуации. Так, осенью 1754 г. представитель одного калмыцкого владельца письменно уведомил русскую администрацию в Царицыне о появившихся непонятных «следах» с Кубанской стороны и предпринятых им разведывательных действиях, для чего несколько улусов калмыков через три дня прикочевали к Царицынской линии возле Мечетной крепости. Войску Донскому указом от 24 октября 1754 г. поручалось проверить информацию калмыцкого владельца, чтобы не допустить «напрасной тревоги» и выяснить, нет ли здесь враждебного замысла. Для этого под любыми предлогами надлежало отправить курьеров в Крым

и на Кубань с разведывательной миссией [25, с. 729—730].

Царицынская линия была не только военным, но и санитарным кордоном на пути эпидемий, распространявшихся из Персии через Астрахань. В 1728 г. на линии была организована карантинная застава во главе с полковником Савенковым, которая 11 июля того же года перешла в ведение царицынского коменданта П. Кольцова [21]. На линии принимались и полицейские меры по высылке поселившихся беглецов на прежние жилища и прекращению самовольного переселения их в будущем (1728 г.) [21, с. 134], по задержанию беглых калмыков-новокрещенов, находившихся на российской службе в пограничных городах [25, с. 731—732].

Необходимо также рассмотреть фортификационные работы на линии. Вопрос об этом был поставлен в 1729 г., по всей видимости, вследствие осмотра ее полковником артиллерии Гарбером. Речь шла о немедленном ремонте Царицынской линии. Для этого предусматривалась заготовка леса по рекам Волге и Каме, командирование для работ по одному батальону из Казанского и Воронежского гарнизонов, а также из драгунских полков. Менять работников следовало каждые 2 года. Солдатам и драгунам сверх жалованья предписывалось выдавать по алтыну в день из доходов Казанской губернии [21].

23 февраля 1730 г. Верховный тайный совет утвердил решение о командировании для исправления Царицынской линии искусного инженера. В 1730—1731 гг. ее осмотрели полковники Грот, Лорант, Домогацкий, инженер-майор фон Люберас, инженер-подпоручик Колобов с привлечением обывателей и донских казаков. Барон И. Г. Люберас доложил Военной коллегии неутешительные итоги осмотра. Линия находилась «в великой худобе и наружная крутость рва почти вся отвалилась», а «внутренняя крутость» — во многих местах. Вал осыпался в ров на 29 верст (это половина линии), палисад весь сгнил. Линия до залива Донца приведена «в совершенство» только на 400 сажений, а остальная часть с самого начала не была скреплена дерном, землю только набросали наверх. Теперь «крутость» следовало укрепить дерном или лесом. Другие крепостцы были весьма малы. Грачевская и Мечетная крепости, отремонтированные в 1730 г., уже начали осыпаться, поскольку работы проводились в жаркие летние месяцы, отчего скреплявший вал дерн не сросся. По этой «многой худобе» Царицын-

ская линия требовала «весьма многой починки и великой работы».

Канцелярия от артиллерии и фортификации, изучив карты, чертежи и ведомости инженеров, пришла к заключению, что Царицынская линия с самого начала строительства «никогда в совершенство была не приведена». Вал возводили не по пропорции, линия проводилась через безводные и песчаные места, дерна для укрепления поблизости от нее не было, он привозился издалека. Канцелярия высказала обоснованное мнение, что линию невозможно довести до приемлемого состояния, периодически будут требоваться затраты на нее. Подтверждение этому — почти ежегодный ремонт линии, которая вскоре опять «разваливалась». Артиллерийское ведомство предложило оставить старую Царицынскую линию и построить новую. Но где? Были признаны не подходящими в равной степени места ниже линии по рекам Дону и Волге и выше — по речкам Иловле и Камышенке. Здесь имелся целый ряд неудобств, которые бы повлекли увеличение длины линии и оставили Царицын далеко за ней «к неприятельской стороне». Ситуацию осложняла безводность и большое содержание в почве песка и глины, затруднявшее рост травы.

Также забраковали и вариант постройки линии на Крымской стороне по речкам Мечетной, Паншине и Осакорке, которые могли бы служить вместо рва. Однако берега их были низкие, что не благоприятствовало задачам обороны. С другой стороны, строительство линии на возвышенности сильно отдаляло бы укрепления от воды. Кроме того, наличие глубоких буераков позволило бы неприятелю укрыться в них и перекрыть подход к воде. В итоге наиболее оптимальным местом для постройки новой линии были признаны места по тем же речкам, но с Кубанской стороны. Кряж здесь был ближе к речкам и более прямой, что не позволяло спрятаться неприятелю. Луга для лошадей и нарезки дерна для линии, а также вода оставались на российской стороне и закрывались новой линией. По ней необходимо было построить 8 «малых» фельдшанцев, а в середине линии напротив старой Грачевской крепости — новую крепость. По всей линии и крепостям следовало густо посадить терновник, шиповник и прочий «способный лес», чтобы частый живой плетень мог играть роль палисада. Однако и старую линию следовало «приводить в совершенство» от Царицына по речкам Мечетной, Паншиной и Осакорке до кряжа, идущего к

Дону, где часто происходили неприятельские набеги.

Канцелярия от артиллерии и фортификации поставила вопрос об использовании для строительства новой Царицынской линии определенных к ремонту старой линии полков, а также инструментов и припасов, которые предписано было купить казанскому губернатору. Сенат в целом одобрил план строительства, но внес коррективы, призванные удешевить работу. Высший правительственный орган не признал необходимости сделать еще 2 крепостцы, не найдя в этом предложении ничего, кроме «излишней работы и напрасного кошта». Также Военная коллегия предлагала строить регулярные крепости, необходимые к обороне от регулярных войск. Сенат согласился, но при условии, что крепости будут «не такие регулярные», но вполне пригодные для обороны без убытка государству. Строительство Царицынской линии должно было начаться только после того, как будут «отделаны» Закамская и Украинская линии. Тогда, объединив усилия солдат и работных людей, можно было бы закончить Царицынскую линию за одно лето [24].

19 июня 1732 г. доклад Сената по исправлению старой и устройству новой Царицынской линии был утвержден на высшем уровне [19, 21]. Интересно, что президент Военной коллегии фельдмаршал Б. Х. Миних, будучи инженером, в проектировании линии не участвовал. Это сильно ударило по его самолюбию. В мае 1732 г. он сообщил Сенату, что «о строении Царицынской линии решение учинено не по его чертежу, и в том ему обида учинена» [29]. Ни в труде Ф. Ласковского, ни в других источниках мы не находим упоминаний о постройке новой линии. И причина этого, думается, не в «обиде» Б. Х. Миниха (его ведомство выступало за возведение новой линии), а в том, что основные усилия на юге были сосредоточены на строительстве другой укрепленной линии — Украинской, отвлекшей значительные финансовые и людские ресурсы. В 1735 г. началась русско-турецкая война и вскоре эта линия получила «боевое крещение». Уровень же угрозы в районе Царицынской линии был не столь велик, и безопасность здесь достаточно надежно поддерживалась донскими казаками, а в период осложнения ситуации — еще и драгунскими полками.

В 1730—1740-х гг. под руководством военных инженеров И. Г. Любераса, Фрауендорфа и Кутузова на Царицынской линии проводи-

лись ремонтные работы по устранению ее повреждений, вызванных весенним половодьем и песчаным грунтом земли. Но эти косметические по сути исправления не решали основных проблем, поэтому, наконец, в 1750 г. в Канцелярию артиллерии и фортификации из Царицынской инженерной команды поступил проект починки линии. Он предусматривал устройство кювета для стока снеговой воды с целью сохранения вала от обрушения, замену разборным палисадом полностью сгнивших деревянных обрубков, заграждавших овраги, исправление фашинами наиболее серьезно поврежденных участков вала, а также запрет очищать от травы заросшие «крутости». Предлагалось починить все крепостцы на линии, устанавливая там новый палисад, рогатки и надолбы. Луг на расстоянии две версты от протока возле Донецкой крепости следовало перегородить легким палисадником или походными рогатками с железными спицами и цепями. Проект отвергал ранее предписание артиллерийского ведомства об установке палисада по всей линии вала. Данная работа была слишком трудоемкой, а при реализации перечисленных мер — вовсе не нужной.

Канцелярия главной артиллерии и фортификации одобрила рытье кювета, исправление крепостцев и отмену постановления сплошного палисада на поверхности вала. В остальные пункты были внесены исправления, предусматривавшие, в частности, замену сгнившего палисадника кустарником (например, терновником). В то же время следовало поставить у Дона и его протока небольшие редуты с одной пушкой в каждом для безопасности от калмыцких набегов. Вот пример еще одной военно-инженерной коррективы проекта: «в буераках, находящихся на линиях, где протекает вода, обрубков не делать, а обделав крутости, если нужно, поставить в столбах рогатки, связывая их цепями, под которыми вода будет протекать, или же палисадник на саях разборный».

Как же был исполнен проект Царицынской инженерной команды? В 1750-е гг. были удовлетворительно отремонтированы, по крайней мере, три крепостцы: Донская, Осокорская и Грачевская, в оврагах установлен палисад «на саях». В 1758 г. из Царицынской команды поступили новые тревожные сведения и предложения. Крепостца Мечетная «совершенно опустилась» и обветшала, валу необходима была починка, палисады в буераках слабо защищали от нападений, вместо них

следовало использовать прежние «обрубы клетками». Предлагалось поднять высоту вала в крепостях с 8 до 12 футов для удобства стрельбы через линейный вал. Это предложение инженерной команды осталось без исполнения, поскольку уже намечалось изменение направления самого вала Царицынской линии [13].

Интересные сведения о линии содержатся в трудах ученых-путешественников, участников научных экспедиций. Адъютант И. И. Лепехин в 1768 г. писал следующее: «Царицынская линия ныне служит пределом кочевью некрещеных калмыков на загорной стороне, а прежде была защитой от набегов кубанских. По ту сторону и по другую линии совершенная степь, и лесу нигде не видно, кроме как в буераках, которые наполнены терновником, боярыней и дикими яблонями... Степь вся покрыта была диким льном, который ни мало сеянному не уступал...» [30]. Известный естествоиспытатель С. Г. Гмелин проехал вдоль Царицынской линии в 1769 г.: «Если хочешь бедную тварь в свече себе представить, то должно на память привести донского казака, на линии стоящего. Само собою явствует, что из отчизны своей казаки посылаются самые бедные и неспособные, кои не в состоянии были ни просьбою, ни деньгами от сей тяжести освободиться» [31].

В трудные для властей месяцы пугачевского бунта, безусловно, возникала и проблема обороны линии. Так, участники заседания Военного совета при астраханском губернаторе 19 августа 1774 г. отметили, что удерживать Царицын с линией, которые служат самозванцу преградою «от Дона, да и от самой Кубани», — дело «нужнейшее». Для этой цели были задействованы как регулярные войска, так и более 300 донских казаков, снятых с линии. Тем не менее через нее тянулись обозы «проклятого изверга» (т.е. Е. И. Пугачева) [32].

В литературе датой упразднения Царицынской линии назван 1776 год [33]. На наш взгляд, не совсем корректно ставить вопрос об упразднении. Следует говорить о том, что государство перестало рассматривать это военно-фортификационное сооружение как часть системы своей обороноспособности. Это могло произойти в связи с началом строительства Азово-Моздокской укрепленной линии и переселением туда в 1776—1778 гг. волжских казаков. В ноябре 1782 г. академик Н. Я. Озерецковский писал, что прежде на Царицынской линии «содержался караул,

но теперь по учреждении Моздоцкой линии, оно уже нету» [34]. Это означало, что к этому времени Царицынская линия действительно перестала существовать как укрепленный и охраняемый фортификационный объект.

Таким образом, Царицынская линия во второй-третьей четверти XVIII в. была одним из необходимых элементов системы защиты южных границ Российского государства. Изначально ее охрану осуществляли регулярные армейские полки, вскоре объединенные в ударную группу — Царицынский корпус. Но государство нашло более удобный и привычный способ охраны линии, поручив это «Войску Царицынской линии казаков», преобразованному в Волжское казачье войско. С 1733 г. линия содержалась Войском Донским, за исключением того времени, когда казаки были в дальних походах и командировках [35]. Линия была зоной русско-калмыцкого взаимодействия. Основной вектор государственной политики сводился к запрету несанкционированного (не разрешенного пропускными документами) перехода калмыками линии и кочевания, который нередко нарушался, в том числе и с согласия руководства отдельных станиц. Донское казачество и Царицынский корпус, находясь в зоне калмыцких передвижений, привлекались к пресечению внутренних раздоров степняков. Рельеф местности возле линии, представлявший собой степь, перерезанную оврагами с кустарником и мелким лесом, обусловил характер оборонительных мер. Бревна в оврагах были положены «клетками». Укрепления линии включали в себя различные заграждения (палисад, обрубы, рогатки, надолбы), которые устанавливались в оврагах и на валу. Необходимость постоянного ремонта не законченной еще при Петре Великом линии привела к постановке вопроса о строительстве нового подобного сооружения. Царицынская линия непосредственно находилась в ведении коменданта г. Царицына и астраханского губернатора, однако ремонтировалась на средства Казанской губернии. Она обеспечивала безопасность восточных районов Воронежской губернии от возможного флангового неприятельского удара. Строительство Царицынской линии позволило начать активную колонизацию и экономическое освоение Нижнего Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. — Воронеж, 1969.
2. Загоровский В. П. Изюмская черта / В. П. Загоровский. — Воронеж, 1980.
3. Буканова Р. Г. Закамская черта XVII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. Г. Буканова. — Воронеж, 1981.
4. Мизис Ю. А. Тамбовская черта и заселение Тамбовского уезда в XVII веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. А. Мизис. — Воронеж, 1983.
5. Лавринова Т. И. Царицынская линия : история строительства в 1718—1720 гг. и первые годы существования : дис... канд. ист. наук / Т. И. Лавринова. — Воронеж, 1990.
6. Буканова Р. Г. Новая Закамская линия (1731—1736 гг.) / Р. Г. Буканова // Владимир Загоровский : К 80-летию со дня рождения : материалы научных чтений / отв. ред. В. И. Панова. — Воронеж, 2006. — С. 64—72.
7. Кунин Ю. Ю. Социокультурное значение Черноморской кордонной линии в развитии Кубанского казачьего края : конец XVIII — вторая половина XIX века : автореф. дис. ... канд. культурологии / Ю. Ю. Кунин. — Краснодар, 1998.
8. Дубман Э. Л. Новая Закамская линия : проект, строительство, судьба / Э. Л. Дубман. — Самара, 2004.
9. Рудницкий Р. Р. История возникновения и функционирования крепостей Азово-Моздокской линии : 1777—1829 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. Р. Рудницкий. — Пятигорск, 2004.
10. Скиба К. В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801—1835 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. В. Скиба. — Армавир, 2004.
11. Муратова С. Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. Р. Муратова. — Уфа, 2007.
12. Советская военная энциклопедия. — М., 1978. — Т. 6. — С. 369.
13. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России / Ф. Ласковский. — СПб., 1861. — Ч. 2. — С. 487—488.
14. Сборник РИО. — СПб., 1889. — Т. 69. — С. 426—430.
15. Журналы Сената за 1737 г. — М., 1910. — Ч. 1. — С. 292, 336, 431.
16. Сборник РИО. — СПб., 1893. — Т. 84. — С. 147—150.
17. Курышев А. В. Волжское казачье войско (1730—1804 гг.) : создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Курышев. — Волгоград, 2007. — С. 12, 14—16, 24.
18. ПСЗРИ. — СПб., 1830. — Т. 8. — № 5923.
19. Сборник РИО. — Юрьев, 1898. — Т. 104. — С. 70, 120—121, 186.

20. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным (далее — Акты Лишина). — Новочеркасск, 1894. — Т. 3. — С. 317, 329, 332, 346, 351, 363, 369, 402.
21. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. 1725—1740 / сост. П. Баранов. — СПб., 1875. — Т. 2. — С. 141—142, 149, 255, 471.
22. Столетие Военного министерства. 1802—1902. Воинская повинность казачьих войск. — СПб., 1907. — Т. XI. — Ч. 3. — С. 471—473.
23. ПСЗРИ. — СПб., 1830. — Т. 9. — № 6508.
24. Сборник РИО. — Юрьев, 1901. — Т. 111. — С. 392.
25. Акты Лишина. — Новочеркасск, 1894. — Т. 2. — Ч. 2.
26. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). — Ф. 339. — Оп. 1. — Д. 35.
27. ГАРО. — Ф. 339. — Оп. 1. — Д. 5.
28. Орлова К. В. Проблема христианизации калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII — начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / К. В. Орлова. — М., 2006. — С. 30.
29. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны : формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота 1730—1735 гг. / Н. Н. Петрухинцев. — СПб., 2001. — С. 130.
30. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году [Электронный ресурс] // <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Lepechin/text.phtml>.
31. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы [Электронный ресурс] // <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Gmelin/>.
32. Овчинников Р. В. Новые документы о крестьянской войне 1773—1775 гг. в России / Р. В. Овчинников, Л. Н. Слободских // Исторический архив. — 1956. — № 4. — С. 138—144.
33. Наш край. Хроника истории Волгограда и области. — Волгоград, 1973. — С. 17.
34. Озерецковский Н. Я. Путешествие по России. 1782—1783 / Н. Я. Озерецковский. — СПб., 1996. — С. 109.
35. ПСЗРИ. — СПб., 1830. — Т. 19. — № 13474.

*Воронежский филиал Российского государственного университета
Комолов Н. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
eli-nik@yandex.ru
Тел.: (4732) 53-07-34*

*Voronezh Branch of the Russian State University
Komolov N. A., Candidate of the Historical Science, Docent of the Department of Legal Disciplines
eli-nik@yandex.ru
Tel.: (4732) 53-07-34*